

“подать” основные факты его биографии. Перед читателем действительно проходит вся его нелегкая жизнь, раскрываются многие черты и качества его недюжинной натуры, очень сложной и интересной личности.

17. Безусловно, столь богатое наследие И. А. Дергачева не лишено некоторых недоработок, которые, естественно, со временем были бы удалены.

И. А. Дергачев бегло описывает последние годы жизни писателя и фактически соглашается с бытующим в критике мнением о творческом кризисе писателя в последнее десятилетие. Остаются вне внимания И. А. Дергачева десятки его произведений, созданные с 1900 до 1911 года и забытых, хотя среди них было немало талантливых.

18. Огромной заслугой И. А. Дергачева является редактирование им сборников “Русская литература 1870-1890-х годов”. Он был прекрасным текстологом; в качестве редактора выступал при подготовке к печати наиболее полного и во всех отношениях качественного собрания сочинений Д. Н. Мамина в шести томах (Москва, “Художественная литература”, 1981). Тогда же в Свердловске был издан уникальный “Библиографический указатель. Д. Н. Мамин-Сибиряк (1875-1912 годы)”. И. А. Дергачев совместно с Т. Н. Мыслиной явился его составителем и был научным редактором сборника.

19. Несмотря на исключительную сложность изучения творчества Д. Н. Мамина, разноречивой критических оценок, скептическое отношение некоторых издателей, потерю части личного архива писателя, И. А. Дергачев блестяще выполнил в результате титанического труда одно из главных назначений своей жизни как ученого - вернул нашим соотечественникам Д. Н. Мамина-Сибиряка, глубоко, объективно и всесторонне им понятого и охарактеризованного.

20. Сочинения И. А. Дергачева должны быть собраны и изданы целиком, а его имя давно заслуживает быть внесенным в историю русской литературной критики.

Ю. А. Мешков
Тюмень

А. С. СУББОТИН: ЛИЧНОСТЬ И ТИП НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Мне выпало счастье близко знать Александра Сергеевича Субботина (1923-1991) с весны 1974 года до его кончины...

В центре научных интересов А. С. Субботина была проблема жанра. “Жанр, - писал он, - это еще один вид благотворной памяти, художественной памяти человека, несущей в себе вековой опыт творческих проб и ошибок, достижений и неудач”. И делал вывод: “Жанр - это наше прошлое на службе современности”.

Эта научная проблема тесно переплелась с его любовью к поэтическому слову Владимира Маяковского. Последняя статья, над которой А. С. Субботин напряженно работал в начале 1990 года, была посвящена его полемике с книгой Ю. Карабчиевского о Маяковском.

Субботин любил Маяковского как яркую индивидуальность, талантливо явленную и в кругу друзей, и в отношениях с женщинами, в манере разговаривать, играть в бильярд, одеваться, т.е. во всем, что делал и чего касался Маяковский, И, конечно же, любил его слово. Я намеренно выделяю здесь именно слово, а не вообще поэзию. Ряд высказываний Маяковского, некоторые его эстетические суждения, иные максималистские поэтические афоризмы Субботин не разделял. Но, например, выводя за скобки поэзии его рекламу, он неизменно ценил точную словесную форму, в которую реклама была заключена, и тонкую словесную игру.

Книгу Ю. Карабчиевского А. С. Субботин читал по публикации в последних за 1989 год номерах журнала “Театр”. Конечно, он и раньше слышал о ней, давно хотел познакомиться с ней как с иной точкой зрения. Читал жадно, увлекаясь полемикой, но надеясь, что за частностями последуют серьезные размышления о судьбе русской поэзии XX века. А писать начал не сразу, чуть погодя, осыпав от впечатления первой реакции. Уже работая над статьей, говорил:

- Карабчиевский не любит у Маяковского ни одной строчки. Нет ни одной строки, о которой он сказал бы доброе слово. Он просто не чувствует и не понимает слово Маяковского.

В 1957 году Андрей Синявский заметил о Маяковском: “До сих пор он принят не столько поэтически, сколько политически”. Карабчиевский обозначил ту тенденцию, которая утвердилась в 90-е годы: Маяковский не принят не столько поэтически, сколько политически.

А. С. Субботин ценил умение владеть словом. Люди творческие тянулись к нему, и он тянулся к ним. В местном отделении Союза писателей он дружил почти со всеми. Не пропускал ни одного мероприятия. Заходил сыграть партию в шахматы. Просто заходил, по пути. Так же любил бывать в Средне-Уральском книжном издательстве, смотрел рукописи, “гонял чай”. В редакцию журнала “Урал”, где

состоял членом редколлегии, надо было подниматься на самый высокий четвертый этаж. Поднимался охотно.

Он всегда был в курсе событий литературной жизни Среднего Урала. Писатели непременно дарили ему свои книги. Надписи всегда были дружеские, случалось - с намеками на благоприятный отзыв.

Он был отзывчив. А вот писал далеко не обо всех. Нас, молодых членов кафедры, которой заведовал, побуждал чаще выступать в печати. Замечал почти все наши публикации. Завел на кафедре журнал-газетных вырезок и периодически устраивал их обсуждение. Сам же очень редко, исключительно редко писал для газет. Охотно писал для журнала "Урал". Очень доверял вкусу и оценкам Валентины Артюшиной, заведовавшей отделом прозы, и Нины Полозковой, руководившей отделом критики. Не зная меня лично, доверился рекомендации Н. А. Полозковой и пригласил работать у себя на кафедре в Уральском госуниверситете.

В "Урале" он напечатал три портретных очерка об уральских поэтах: Эмилии Бояршиновой, Борисе Марьеве, Льве Сорокине. Потом эти очерки вошли в его книгу "Горизонты поэзии". В обзорных статьях он называл и других уральских поэтов, точнее сказать - отмечал их работу, но в анализ их творчества не углублялся.

Все поэты были ему интересны. А писал почему-то об очень немногих. В писательской организации это знали и относили на счет его высокой требовательности. Но дело было не только в требовательности. Поэзия для А. С. Субботина не существовала сама по себе как нечто отстраненное от того, кто ее читает. Поэзия была тем, что читатель в искусстве слова открывал для себя на основе своего видения мира. Он открывал поэта-человека, близкого ему, а потом открывал и любил его дело - стихи. Субботин называл это "особым строем поэзии, всегда очень тесно и открыто, демонстративно связанным с личностью автора, его характером и биографией (Субботин А. С. Горизонты поэзии. - Свердловск, 1984. С.6).

В русской поэзии XX века его волновали Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Анна Ахматова. Последние не только через их связь с Маяковским.

Считая творчество каждого истинного и большого (а таковыми для него были названные четверо, а Маяковский уж тем более) поэта необъятными, Субботин искал инструмент, дающий возможность эту необъятность систематизировать и как бы приблизить, объять ее. Таким инструментом для него стал жанровый анализ. Нет, он не отрицал другие литературоведческие категории, не умалял сюжета и

композицию, не умалял стиля, имел о них свои оригинальные суждения. Но жанр был ему “всех милее”. Он увлек исследованием проблем жанра своих коллег, на многих конференциях отмечали уральскую школу исследователей жанра. Но свои интересы и свои пристрастия Субботин никогда не ставил над другими, никогда не допытывал у другого, как тот понимает жанр. Жанр не был для него тем единственным, что он хорошо знал и стремился знание это показать. А ведь так, к сожалению, случилось, когда часть членов кафедры “помешалась на стиле. И Субботин в 90-е годы часто вспоминается как образец широты научных интересов.

И даже “поверяя” жанром Маяковского, А. С. Субботин считал нужным оговориться: “Жанр... не самодовлеющая величина, не сторонний канон или образец. Это прежде всего внутренняя мера, типичный для Маяковского вид поэтической условности, узнав который, можно лучше понять, усвоить, оценить пафос и непреходящее значение, идейно-эстетическую и художественную ценность его наследия”.

А. С. Субботин рассмотрел творчество В. Маяковского как динамичную, сложную и разветвленную систему жанров. К началу 80-х годов о литературе как системе жанров уже писали, но - применительно к тому или иному периоду. Так, Ю. Стенник рассматривал как систему жанров русскую литературу XVIII века. К творчеству одного художника системно-жанровый подход осуществил Субботин. В этом была научная новизна его работы. Созданная на основе докторской диссертации книга “Маяковский: Сквозь призму жанра” в маяковсковедении последних двадцати лет остается самым заметным исследованием.

Да, Субботин любил Маяковского и стремился к тому, чтобы именно Маяковского раскрыть широкому читателю и - смею сказать - над Маяковским стояла его любовь к поэзии. Субботин вписывал Маяковского в широкий контекст развития поэзии. И жанр оказался здесь не только инструментом, помогающим системно объять необъятное, но и вписать поэта в контекст русской поэзии XX века. Уж очень отличны от Маяковского Борис Пастернак, Сергей Есенин и Анна Ахматова. А книга Субботина завершается обращением к их творчеству. “Жанровый взгляд, - писал он в предисловии к своей книге, - поочередно приближая к читателю отдельные стороны и грани поэтического мира поэта, неизбежно дробит, расчленяет этот мир, оставляя порой без внимания какие-то общие, целостные его свойства. Поэтому аналитический обзор завершается главами, в которых использована более масштабная “внешняя мера”. Здесь творчество

Маяковского сопоставлено с другими поэтическими мирами - с творчеством Бориса Пастернака, Сергея Есенина, Анны Ахматовой”.

Только ли о широте научных интересов и художественных вкусов А. С. Субботина это говорит? Нет, он был человечески широк. А ведь пытались утверждать, что ему свойственна односторонность, пристрастность. Его страсть принимали за пристрастность. Согласимся, нам не всегда доставало широты понять его...

Статью о книге Ю. Карабчиевского он сдал в редакцию “Урала”. К тому времени в редакции произошли перемены. Да и на дворе летом 1990 года дул сквозняк, порывы которого наивно принимались за грядущие перемены. Простыв на том сквозняке, мы и сегодня болезненно чихаем... Журнал отклонил статью своего многолетнего и ведущего автора. Уже после смерти А. С. Субботина его друг профессор Д. Д. Ивлев напечатал ее в 1993 году в Риге.

Он полон был замыслов. Мечтал сделать трехтомник Маяковского для серии “Библиотека поэта”. Вошел в редколлегия Полного (академического) собрания сочинений Маяковского.

Слег он летом 1990 года. Последние месяцы был в памяти. Но уставал от гостей. Мы старались реже его беспокоить. Мы знали, что он смертельно болен. Похоже, он это тоже знал...

В. В. Абашев
Пермь

ПЕРМЬ / ПЕРеМЕНА: КЛЮЧЕВОЕ ИМЯ В РАЗВИТИИ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

Последнее десятилетие в истории России помимо экономических, политических и социальных сдвигов отмечено настоящим семиотическим взрывом. Его следствия обширны. Культурно-историческая и семиотическая однородность (глубокая, вплоть до внутригородской топонимики и более частных систем номинации) советского пространства все более разрушается. Она сменилась пестротой культурно разнородных территорий, поспешно генерирующих собственные знаковые системы. Спонтанность этого процесса сопровождается и вполне сознательными попытками влиять на ход и направление семиотических изменений.

В гуманитарных дисциплинах этот процесс привел, в частности, к возрастанию роли региональных исследований. Темы культурной жизни провинции сделались едва ли не конъюнктурными. Они попали в сферу влияния политических и экономических амбиций